

очи, тихо светившие", "стекла сияли", "позолота", "блеск месяца", "водное зеркало", мотивы отражения в воде и 'аромата' и т.д. В соответствии с метафизическими представлениями 'сияние' и 'свет' здесь исходят как бы из глубины *"неподвижных вод пруда"*, из 'темноты' потустороннего мира бытия. В этой связи значимо указание на "взгляд" Левко, переселяющий его в глубину пруда. Переселение Левко в глубину пруда (ср. в "Сорочинской ярмарке" Параску на мосту) - типично мистический прием выходления из себя в мистическую 'глубину', акт мистического приобщения через зрение к скрытой сущности. Это приобщение делает актуальными категории зрения и знания (рас-по-знать), обычно сочетающиеся с водой/зеркалом²⁹. В свою очередь, появлению воды/зеркала сопутствуют задумчивость (= утрате эмпирического Я) и мотив сна, который у Гоголя соотносится с проникновением в 'иной' мир и изофункционален зеркалу.

Этот мистический переход знаменует встречу с метафизическими душой. В мистическом мире Тихой Вечности Левко открывается тайна ясной панночки-'плененной души' Софии, которую он освобождает из плена, взамен получая санкцию на брак с *"ясной"* Ганной/Софиеей'. Таким образом, Левко проходит мистическую инициацию и водное 'крещение', обретает душу, что является условием его брака.

Зов Тихой Вечности

Если об описании любовного союза неба и земли в "Сорочинской ярмарке" можно говорить как о языке Натуры (в духе Арндта), а о сновидении Левко в "Майской ночи" как об откровении Тихой Вечности вне Натуры и мистическом приобщении к ней, то пример из "Старосветских помешников" позволяет говорить о "языке Божественного молчания вне Натуры", что и является собой "на-

туральный язык Тихой Вечности" (Пордедж, II, 418-419), взывающей к себе и преодолевающей земной мир смертью и запредельным воссоединением любящих.

Свидетельств знакомства Гоголя с книгой Пордеджа нет (по крайней мере пока) и приведенные сопоставления можно объяснить мистической топикой, не связывая ее именно и только с Пордеджем. Пордедж и, например, "Книга Натуры" Арндта в рассматриваемых примерах эту топику реализуют наиболее полно и выразительно. Тем не менее известное мистическое место в "Старосветских помешиках", в котором идет речь о смерти Афанасия Ивановича, имеет поразительное сходство с описанием Пордеджа. Здесь важен не только "голос"- "тайный зов" (мистический язык)³⁰, но "тишина". Мистическая интуиция Гоголя здесь удивительно точно совпадает с мистическими формулами и описаниями Пордеджа.

Гоголь: "*День был тих и солнце сияло*"; "*тайный зов*", "*ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал, ни души в саду*"; "*ужасная тишина среди безоблачного дня*" (II, 37).

Пордедж: "глубокое Молчание, и такая ужасная Тишина, какой ни словами выразить, ни помыслить, ни понять не можно <...> В сей неизреченной Тишине и в сем Молчании, которое свободно от всякого тона, звука и шума какого-либо движения, состоит Натура Тихой Вечности". Намек на эту Тихую Вечность дает "та Тишина, которую мы иногда примечаем в летний вечер, когда ни малейшее движение воздуха не примечается, ни малейший листочек колеблющимся не кажется" (II, 169-170).

Метафизические аспекты гоголевского природоописания будут претерпевать в его творчестве глобальные изменения, которые выражаются в оформлении негативной ме-

тафизики, воссоздающей пустынность и неприютность земного пространства, покинутого благостью Творца. В этом движении визуальный аспект метафизики природы будет замещаться аспектом акустическим, а мифология "воды", "высоких гор" и "леса" будет сталкиваться в "Миргороде", а затем вытесняться в первом томе "Мертвых душ" мифологией "степи". Хтоническим горным провалам, волнистому ландшафту, бесовским "темным", "холодным" лесам "Вечеров" в "Тарасе Бульбе" противопоставлена "бесконечная, вольная, прекрасная" степь, в которой "нигде не попадаются <...> деревья". За мифopoэтическим описанием степи ощутимо просматривается пространственный образ православного "дома", сакральным центром которого является островная "республика" Сечь. И чем масштабнее будет представлять пустынность Руси, тем более напряженной будет авторская рефлексия, стремящаяся соединить софийную тоску и печаль, взывающие к небу, с пророческим и мистическим экстазом автора-визионера, обращенного с небес к земле. Однако мистического союза эта встреча не принесет ни в "Миргороде", ни в I томе "Мертвых душ". Во II томе Гоголь вернется к некоторым принципам "Вечеров", но уже сопрягая "тишину" с ортодоксальными представлениями о "земном рае".

МИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ "СОН - ДУША", "ЛЮБОВЬ - СЕМЬЯ", "МУЖСКОЕ - ЖЕНСКОЕ" В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

Вынесенные в название раздела мотивно-тематические пары будут рассмотрены как соотносимые друг с другом семантические комплексы и парадигмы. Мы уже попутно указывали на их значимость в мистических переживаниях романтизма и обозначили их соотнесение с "тишиной" и "молчанием". Значимость именно этих пар у Гоголя актуализована прежде всего тематически и сюжетно. Связь